

14435520
202-040033

№ — 15 Августа 1915 года. — 16-й

Неофициальный отдѣлъ.

Русско-грузинскія отношенія и значеніе этихъ отношеній въ царствованіи Августѣйшаго Дома Романовыхъ.

Русскій и грузинскій народы знаютъ другъ друга съ X-го вѣка, съ самаго начала христіанства въ Россіи, когда они встрѣчались въ Византіи, гдѣ одновременно дѣйствовали русскія войска св. Владиміра (тогда еще язычника), взявшія Корсунь, и грузинскія войска царя Давида Куропалата, усмирявшія Варду Скляроса и даровавшія Имперіи миръ и безопасность. Здѣсь же встрѣчались русско-грузинскіе духовные писатели, черпавшіе блага христіанской цивилизаціи изъ Византійскихъ источниковъ. Въ XII вѣкѣ русскій и грузинскій Царствующіе Дома сочелались тѣсными узами родства, когда сынъ великаго князя Андрея Боголюбскаго Юрій Андреевичъ сдѣлался супругомъ грузинской царицы Тамары Великой. Монгольское иго, одновременно душившее Россію и Грузію, прервало связь между единовѣрными народами до Іоанна III-го, къ которому Кахетинскій царь Александръ посылалъ пословъ и грамоту, называя его „надеждой христіанъ“ и прося помощи противъ горцевъ и персовъ. Утвержденіе русскаго владычества въ усть-

яхъ Волги, по взятіи царемъ Иоанномъ Грознымъ Казани и Астрахани, содало еще болѣе благопріятныя условія для сближенія Россіи съ Грузією путемъ занесенія христіанскихъ идей въ Кавказскія горы. Въ 1557 году къ Грозному царю прибыло посольство отъ Кахетинскаго царя во главѣ съ митрополитомъ Іосифомъ. Іоаннъ IV былъ въ восторгѣ, видя грузинскихъ пословъ въ Москвѣ. Царь до слезъ былъ тронутъ словами пословъ и грамотами о печальномъ положеніи христіанской Грузіи, разоренной персами, и въ 1564 году самъ отправилъ въ Грузію посольство и первый изъ русскихъ царей оказалъ Грузіи реальную помощь. Преемники Грознаго, тихій и благочестивый царь Теодоръ Иоанновичъ нѣсколько разъ обмѣнивался посольствами съ грузинскими царями, формально принялъ Грузію въ свое подданство и титуловался „Государемъ и Иверской земли“. При царѣ Борисѣ Годуновѣ сношеніе съ Грузією еще болѣе усилилось. Въ 1604 году отправленному въ Кахетію послу Татищеву онъ поручилъ между прочимъ „тайное дѣло“—сосватать среди грузинскихъ царевичей и царевенъ дочери его Ксеніи—жениха, а сыну Теодору—невѣсту, что и было исполнено посломъ.

Съ воцареніемъ Дома Романовыхъ сношенія значительно усилились. Уже при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ былъ обмѣнъ цѣлаго ряда посольствъ. Назовемъ посольства: 1637 г. отъ Кахетинскаго царя во главѣ съ м. Никифоромъ, отвѣтное посольство Михаила Теодоровича во главѣ съ кн. Волконскимъ, 1638 г. отъ царя Мингрельскаго Леона II и отвѣтное посольство Михаила Теодоровича во главѣ съ Фодотомъ Елчиннымъ, 1650 г. отъ Имеретинскаго царя Александра III и отвѣтное посольство отъ царя Алексѣя Михайловича во главѣ съ Никифоромъ Толочановымъ, а равно посольство въ Грузію и на Востокъ Арсенія Суханова по вопросамъ раскола, вызовъ Грузинскаго митрополита Епифанія на большой Московскій соборъ 1666 года по дѣлу Никона и др.

При Петрѣ Великомъ сношенія принимаютъ болѣе опредѣленный характеръ и знаменуютъ собою новую эру. Всѣ геніальныхъ и широко-реформаторскихъ плановъ Петра Великаго не осталась и Грузія. Этотъ Государь вмѣстѣ съ царемъ Вахтангомъ VI предпринимаетъ рядъ походовъ въ Персію для ослабленія ея вліянія на Грузію, одновременно съ этимъ заботливо внимателенъ къ обездоленному Имеретинскому царю Арчилу II, лишённому престола и нашедшему радужный пріемъ у Петра Великаго. Его сына царевича Александра Арчиловича Императоръ отправляетъ за границу для довершенія образованія, а по возвращеніи опредѣляетъ въ русскую дѣйствующую армію;

царевичъ участвуетъ въ сраженіи при Нарвѣ въ 1700 году и умираетъ въ Стокгольмѣ военноплѣнникомъ. Въ Москвѣ же находитъ радушный пріемъ царь Вахтангъ VI со свитою въ 1800 душъ. Императрица Екатерина I имъ даетъ огромныя земельныя угодья въ окрестностяхъ Москвы и обезпечиваетъ ихъ жалованіемъ. Мало того, съ прибытіемъ Вахтанга VI въ Россію, открывается книжное общеніе Россіи съ Грузіею. Въ Новгородѣ и Москвѣ открываются грузинскія типографіи подъ покровительствомъ Русскихъ Царственныхъ особъ, и изъ этихъ типографій выходятъ сотни печатныхъ грузинскихъ книгъ, изъ коихъ особенно слѣдуетъ отмѣтить первую по времени печатную полную біблію, вышедшую изъ Московской типографіи въ 1743 году при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Во главѣ печатнаго дѣла въ Россіи стояли грузинскіе цари и царевичи: Вахтангъ VI, сыновья его Бакаръ и Вахуштій, а равно архіепископъ Іосифъ Самебели, впоследствии викарій Новгородской епархіи при Феофанѣ Прокоповичѣ.

При Императрицѣ Екатеринѣ Великой мысль о соединеніи единовѣрныхъ народовъ постепенно крѣпнеть, интересъ усиливается, сношенія дѣлаются чаще и по болѣе опредѣленной программѣ, интересы сливаются. Изъ Грузіи отправляется рядъ посольствъ съ опредѣленными программами, каковы: посольства 1768 и 1784 г. во главѣ съ католикосомъ Имеретинскимъ Максимомъ отъ царя Соломона I, въ 1771 году во главѣ съ католикосомъ Антоніемъ I отъ царя Ираклія II, поѣздка царя Теймураза II въ 1760 году, кн. Гарсевана Чавчавадзе и др. Вопросъ о соединеніи Россіи и Грузіи принимаетъ болѣе реальный характеръ: Россія и Грузія дѣйствуютъ уже за одно противъ Турціи; общими силами учреждается Осетинская Комиссія во главѣ съ архіеп. Гаіени, ученикомъ Московской Греко-Латинской Комиссіи, составившимъ осетинскую азбуку; Академія Наукъ снаряжаетъ ученую экспедицію доктора Гюльденшеттъ для научнаго обследованія Грузіи и всего Кавказа, русско-грузинскія войска во главѣ съ царемъ Иракліемъ и генераломъ Тотлебенномъ вмѣстѣ дѣйствуютъ противъ Турціи и въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ мирѣ выговариваютъ себѣ выгодныя условія, въ 1783 году въ Георгіевскѣ заключается между Россіею и Грузіею трактатъ, по которому Грузія вступаетъ въ составъ Россіи съ сохраненіемъ царствующей династіи Багратидовъ и католикоса изъ грузинъ, цѣлый рядъ князей грузинскихъ—выходцевъ въ Россію еще со временъ Петра Великаго поступаетъ на русскую службу, оказываютъ рядъ геройскихъ подвиговъ, дѣлаются родоначальниками многихъ славныхъ русскихъ литературныхъ и научныхъ дѣятелей въ родѣ князей: Церетелевыхъ, Багратіоновыхъ, Сумбатовыхъ, Тархановыхъ,

Цициановыхъ, и др. Наконецъ, въ 1801 году въ манифестъ Императора Александра I Грузія находитъ осуществленіе завѣтныхъ своихъ желаній и вступивъ въ составъ Русскаго Государства фактически, съ того момента живетъ одною жизнью съ Россією, дѣля съ нею горе и радость.

Таковы факты исторіи. Но въ чемъ ихъ смыслъ? Гдѣ ихъ объясненіе? Ради чего эти два народа такъ тяготѣли другъ къ другу, при полномъ географическомъ и лингвистическомъ раздѣленіи? А вотъ и отвѣтъ.

Какъ извѣстно, въ Азіи Грузія была почти единственная христіанская страна среди многомилліонныхъ мусульманскихъ и языческихъ народовъ, т. е. была провозвѣстницей евангельскаго свѣта среди непроницаемаго мрака ислама и язычества. Но, какъ извѣстно, между свѣтомъ и тьмою всегда идетъ смертельная борьба, и въ борьбѣ этихъ двухъ началъ силъ, Грузія провела 15 вѣковъ! И чего, чего, о Боже, не испытала она на этомъ тернистомъ пути, въ этомъ несеніи креста... „Вся ея многовѣковая жизнь,—скажу словами вдохновеннаго грузинскаго историка,—исполнена такого трагизма, который даже самаго невѣрующаго можетъ заставить увѣровать въ силу человѣческаго духа, борющагося и не замирающаго даже при самыхъ тяжкихъ условіяхъ исторической судьбы“. (Иоселіани). Но есть и поэзія въ этой кровавой исторіи. Грузинъ читаетъ ее со слезами. Она описываетъ вѣками исчисляемыя бѣдствія, дробленіе царства на царства, возстаніе племенъ на племена, народовъ на народы, посреди этихъ мрачныхъ событій всегда лучезарно-чисто рисовался свѣтъ Креста Христова, ни разу не выпущеннаго изъ благодарныхъ рукъ вѣрнаго грузинскаго народа и благополучно донесеннаго до тихаго пристанища русской церкви. Таковъ былъ удѣлъ Грузіи—быть носителемъ и сѣятелемъ на этнографически пестромъ Кавказѣ христіанскихъ идей, слова любви, правды, свободы и равенства. Но, признаться, и борьба была неравная! Пока православная Византія держалась на ногахъ (политически), и Грузія, время отъ времени, черпала свою силу въ ея сочувствіи и поддержкѣ, но съ водвореніемъ турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, Грузія лишилась и этого единственнаго оплота и истекая кровью въ неравной борьбѣ, она обратила свой взоръ на сѣверъ, вспомнила уже извѣстную и притомъ не такъ изстрадавшуюся, не такъ израненную свою единовѣрную сестру—Россію и въ ея симпатіяхъ увидѣла свое спасеніе.

И во всѣхъ актахъ, сюда относящихся, проходитъ красною нитью та основная идея, что православные русскіе Государя являются „столпомъ православія“, „надеждой христіанъ“, „крѣпостью вѣры“, „всѣмъ христіанамъ прибѣжище“ и „падшимъ подпора“. Грузинскій царь

Теймуразъ пишетъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, что онъ (Теймуразъ) „дышетъ только именемъ св. Троицы и великою милостью его“ (русскаго царя), и при этомъ проситъ совѣтъ, какъ быть въ столь ужасное время. И, признаться, русскіе Вѣнценосцы, хотя по домашнимъ тяжелымъ обстоятельствамъ, а равно по отсутствію путей сообщенія, и не всегда оказывали существенную помощь, но нравственная поддержка бывала всегда. Царь Алексѣй Михайловичъ въ своей грамотѣ проситъ персидскаго шаха Абаса I „не чинить обидъ и насилій грузинскому народу, исповѣдывающему греческую вѣру и состоящему въ его подданствѣ, если-де желаетъ сохранить съ Россією прежній миръ и дружбу“. И Грузія цѣнила эту нравственную поддержку.

Кромѣ помощи противъ враговъ, Грузія черезъ сближеніе съ Россією преслѣдовала и другія цѣли. До взятія Константинополя въ 1453 году Грузія черпала свои духовныя силы и блага цивилизаціи изъ Византійскихъ источниковъ и изъ Европы непосредственно, съ этого же печальнаго событія путь этотъ для Грузіи закрылся, источникъ изсякъ, и нужно было найти другой путь въ Европу, и его Грузія нашла черезъ Россію. И не ошиблась она: черезъ эти двери волны европейской культуры съ необыкновенною силою залили Грузію и измѣнили духъ и фізіономію литературы, науки, искусства, семейнаго и государственнаго строя, признаки чего стали обнаруживаться уже съ начала 17 вѣка, когда Грузію во множествѣ стали посѣщать русскіе церковные дѣятели, ученые и военные мастера, а съ переселеніемъ въ Россію царя Вахтанга VI (1724 г.) и съ появленіемъ на русской службѣ грузинъ начинается изученіе русскаго языка и литературы, дѣлаются переводы, составляются новые учебники, устраиваются новыя учебныя заведенія въ духѣ Петровскаго „Духовнаго Регламента“ и проч. Съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи (1801 г.) благотворное вліяніе послѣдней выражается въ значительномъ улучшеніи путей сообщенія, въ чемъ ощущалась неотложная нужда, открытіи многихъ учебныхъ заведеній европейскаго типа, измѣненіи мотивовъ и формъ изящной литературы и особенно лирики, открытіи широкаго доступа грузинской молодежи въ высшія русскія учебныя заведенія, отмѣнѣ крѣпостнаго права, устройствѣ суда, учрежденіи Кавказскихъ отдѣловъ Императорскихъ археологическихъ, этнографическихъ, археографическихъ и другихъ ученыхъ обществъ.

Особенно выпукло это значеніе выражено во всемірно-извѣстномъ словѣ преосвященнаго Гавріила, епископа Имеретинскаго, обращенномъ къ Императору Александру II-му въ бытность Его въ Кутаисѣ въ 1871 году.

„Безпредѣльною любовью и преданностью встрѣчаютъ Тебя въ семь храмъ, недавно сооруженномъ въ память благодѣяній отъ Тебя получаемыхъ, представители всѣхъ сословій здѣшной окраины“, — такъ обратился владыка къ Царю — мученику, — „велики сіи благодѣянія. Всѣ понимаютъ и чувствуютъ, чѣмъ обязана эта страна державнымъ Твоимъ предкамъ и особенно Тебѣ. Недалеко отъ насъ ушло то время, и многіе его помнятъ, когда вся эта страна уподоблялась человѣку, впавшему въ руки разбойниковъ, израненному, ограбленному и брошенному на пути, о которомъ повѣствуетъ извѣстная евангельская притча. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка одна половина здѣшнихъ жителей была истреблена или отведена въ плѣнъ врагами, другая укрывалась въ лѣсахъ и ущельяхъ. Жилища ихъ были сожжены, церкви разорены, самый этотъ городъ съ древнимъ великолѣпнымъ храмомъ Баграта превращенъ въ развалины, и въ этой цвѣтущей православной странѣ исламизмъ окончательно началъ было водворяться подобно тому, какъ онъ водворился въ сосѣднихъ православныхъ земляхъ. Въ это время соименный Тебѣ и соблагословенный Самодержецъ Россіи, подобно милосердному Самарянину, поднялъ сію страну изъ бездны золь и бѣдствій, обвязалъ ея раны, возливъ вино и елей, т. е. оградилъ законами и безопасностью, и поручилъ гостиннику, т. е. далъ заботливыхъ правителей. Съ тѣхъ поръ она, успокоенная и огражденная со всѣхъ сторонъ мирно шествуетъ по пути гражданской жизни. Тобою, Державный Государь, благодѣянія сіи достойно продолжаютъ. Благодѣтельныя реформы, которыми Ты возвышаешь и укрѣпляешь гражданскую жизнь Твоихъ подданныхъ, распространяются и на здѣшнихъ жителей и равно возвышаютъ и обновляютъ ихъ жизнь. Освобожденный Тобою здѣшній простой народъ узналъ сладость и выгоды свободного труда и съ облегченнымъ сердцемъ предается ему. Судь скорый, справедливый и для всѣхъ равный, ограждая права и безопасность всѣхъ жителей, наполняютъ ихъ сердца добротою и взаимнымъ довѣріемъ. Мысль о томъ, что всѣ достойно цѣнятъ Твои благодѣянія и безпредѣльно за нихъ благодарны и готовы доказать это, жертвуя, въ случаѣ нужды, жизнью и достояніемъ, да утѣшаетъ Тебя, Государь, въ царственныхъ подвигахъ на долгіе, долгіе годы“.

Да, грузины всегда бывали признательны Россіи за ея помощь, гдѣ она реально проявлялась.

Однако и Россія изъ единенія съ единовѣрною Грузією извлекала не мало выгодъ, такъ что сближеніе Россіи и Грузіи на протяженіи вѣковъ было служеніемъ и Россіи и Грузіи и служителямъ этого дѣла нужно отдать справедливую дань. „Съ присоединеніемъ Грузіи къ Рос-

сіи, докладывалъ графъ Мусинъ-Пушкинъ Императору Павлу, — обещивается Кавказская ливія обузданіемъ горскихъ народовъ съ двухъ сторонъ и въ случаѣ непріязненности ихъ можно смирить голодомъ, такъ какъ все необходимое для своего пропитанія они приобрѣтаютъ въ Грузіи; во вторыхъ, приобрѣтается страна обильная произведеніями природы, расширяется русско-персидско-индійская торговля, тогда заведется компанія Чернаго и Каспійскаго морей, которая принесетъ Россіи огромную пользу; заведется новый трактъ съ Портою, и всѣ выгоды европейскаго торговаго оборота съ Англіею обратятся на Россію; въ случаѣ разрыва съ Турціею, Россія, занявъ Грузію, можетъ быть столь же опасна со стороны Анатолиі, сколько угрожаетъ ей своими Черноморскими флотами. Если же турки успѣли занять Грузію прежде насъ, тогда могли подвергаться опасности какъ Кавказская линія, такъ и самый Крымъ“. Государственный Совѣтъ согласился съ этими соображеніями, найдя, что „распоряженія сіи безъ сомнѣнія принесутъ большую пользу Россіи обузданіемъ сосѣднихъ хищныхъ обитателей, установленіемъ прочной торговли не только съ сосѣдними, но и съ индійскими народами“.

Да, присоединеніе Грузіи было актомъ крупной государственной мудрости Августѣйшаго Дома Романовыхъ. Событіе это было чревато своими благодѣтельными для Россіи (не говоря уже о Грузіи) послѣдствіями. „Экономическое и военно-политическое значеніе Кавказа для сношеній съ Босфоромъ велико, говоритъ проф. А. Цагарели, — оно велико и для сношеній съ передней и средней Азіею. Фактъ этотъ уясняется съ каждымъ днемъ все больше и больше. Быть можетъ, Кавказу суждено играть еще значительнѣйшую роль въ исторіи человѣчества въ будущемъ, чѣмъ онъ игралъ въ прошломъ, и при этомъ, конечно, не будутъ забыты историческія заслуги грузинскаго народа, завязавшаго первыя сношенія съ единовѣрнымъ Московскимъ Государствомъ еще съ 15 вѣка и добровольно вручившаго Россіи ключи Кавказа, открывъ ей такимъ образомъ свободный путь черезъ историческія „Кавказскія ворота“. Этими „К. В.“ грузины владѣли еще во времена Римлянъ, открытіемъ же ихъ для Россіи они способствовали великой православной державѣ приводить въ исполненіе свою высокую христіанскую и цивилизаторскую миссію на Востокъ“.

И подлинно, Грузія христіанская, Грузія дружелюбная, вѣчно тяготившая къ Россіи, во имя своей христіанской миссіи въ Азіи, привела Россію въ Азію, пересадила русское дѣло сюда, 15-ти вѣковой евангельскою проповѣдью она смягчила нравы дикихъ мусульманскихъ и языческихъ обитателей Азіи и тѣмъ подготовила почву для прочнаго на-

сажденія здѣсь русской гражданственности. Вѣдь, не даромъ встрепенулось и сердце персидскаго шаха Ага-Магомета, когда онъ узналъ о трактатѣ 1783 года между Императрицей Екатериной II и царемъ Иракліемъ II. Въ ультиматумѣ своемъ шахъ пишетъ Ираклію: „ты привелъ невѣрныхъ въ Азію, ты открылъ имъ путь, погубивъ и себя и всю Азію... Познай свое положеніе, разорви связь съ русскими, или приду я и создамъ изъ русской и грузинской крови рѣки на подобіе Куры“. И что же? Царь Ираклій не иамѣнилъ христіанской присяги, данной русской Императрицѣ, хотя своими глазами увидѣлъ обѣщанныя шахомъ „рѣки изъ грузинской крови“. Да и послѣ этого ужаса Грузія ни разу не поколебалась въ своихъ чувствахъ къ Россіи, вмѣстѣ съ нею стояла за общее дѣло и не разъ обращала свою маленькую, но испытанную грудь, противъ враговъ Россіи.

Итакъ, благословенный Домъ Романовыхъ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи усердно и провиденціально служилъ тому же великому дѣлу *собиранія Руси*, которому послужили въ свое время Московскіе Великіе князья, цари и великіе молитвенники русской земли, и въ этомъ дѣлѣ собиранія Руси не малая доля принадлежитъ и грузинскому народу—этому единственному собирателю Руси на югъ и чѣмъ? Своимъ православіемъ, своимъ единовѣріемъ съ русскими народами, общностью задачъ духовныхъ—христіанскихъ. И всячески слѣдуетъ сохранить эту вѣру, это православіе, это единовѣріе въ интересахъ той великой миссіи, которая волею провидѣнія выпала на долю Россіи и Грузіи, во имя собиранія Россіи, ибо Россію собирала вѣра христіанская, какъ и Грузію сохранила та же вѣра, вѣра св. Нины.

И къ чести лучшихъ сыновъ Россіи и Грузіи нужно сказать, что они такъ именно и смотрятъ на это великое дѣло, видя крѣпость нашего общаго отечества въ вѣрѣ православной. Вотъ какъ говорилъ преосвященный Гавріилъ, епископъ Имеретинскій русской побѣдоносной арміи, по случаю покоренія западнаго Кавказа.

„Кавказъ покоренъ вами, но еще не вполне побѣжденъ... Кавказъ нужно покорить снова и на этотъ разъ совершенно другіемъ оружіемъ. Какимъ же? „Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“. Вотъ теперь чѣмъ и окончательно нужно покорить Кавказъ. Побѣда оружіемъ есть побѣда внѣшняя, она сближаетъ людей по наружности, но еще глубже раздѣляетъ ихъ по душѣ и чувствамъ... Мы должны устремить всѣ силы къ тому, чтобы примирить съ собою здѣшнія племена, слить ихъ съ собою, уподобить ихъ себѣ, покорить ихъ души и сердца. Это возможно только вѣрою и посредствомъ вѣры... По этому трудъ вашъ еще не оконченъ. Вы должны вести еще борьбу, но

борьбу нравственную съ тѣми, коихъ покорили физически... Русскій человѣкъ только тотъ, который и мыслить, и чувствуетъ по русски, радуется и печалится вмѣстѣ съ Россією“.

Въ другое время онъ такъ говорилъ абхацамъ-магометанамъ, желая ихъ обратить въ христіанство и пріобщить къ русскому государству:

„Я пришелъ къ вамъ по волѣ Царя и Его брата— Намѣстника Кавказскаго... Царь желаетъ вамъ счастья и добра, ибо счастье и благоденствіе всѣхъ Его подданныхъ служатъ къ Его славѣ. Въ дѣлѣ вѣры Онъ никому не велитъ дѣлать ни малѣйшаго насилія, но, какъ православный и усердный христіанинъ, радуется какъ Его поданные другой вѣры свободно и искренно принимаютъ христіанскую вѣру. Принятіе крещенія послужитъ началомъ полного вашего обновленія и улучшенія во всѣхъ отношеніяхъ, ибо если присоединитесь къ православію, то будете приняты подъ покровительство „Общества В. Пр. Хр. на Кавказѣ“, во главѣ котораго стоитъ самъ Царскій братъ, это Общество дастъ вамъ священника, котораго будетъ содержать само, оснуетъ вамъ школы и прочее“. Вотъ истинное и вѣрное собраніе Россіи!

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же святитель такъ убѣждаетъ абхазцевъ-магометанъ:

„Абхазія въ настоящее время находится точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ была лѣтъ 35 тому назадъ, когда я былъ ребенкомъ, моя родина—Гурія. Русское Правительство только что водворялось тогда въ Гуріи. Народъ, мало знакомый съ Русскими и подушаемый Турками, болѣе склонялся къ послѣднимъ и думалъ переселиться въ Турцію. Помню какъ старикъ мой отецъ (священникъ) наставлялъ жителей и удержалъ ихъ. „Русскіе, говорилъ онъ,—христіане, православные; они научены Евангелиемъ любить ближнихъ и покровительствовать слабымъ и обижаемымъ. Отъ нихъ мы можемъ ждать всего хорошаго. Они будутъ насъ учить, просвѣщать, защищать; отъ Турокъ же мы, кромѣ разоренія, смуты, плѣна и разврата не видали ничего и не увидимъ“. Предсказаніе моего отца оправдалось. Состояніе моей родины теперь въ тысячу разъ лучше, чѣмъ до прихода Русскихъ. Посмотрите, напр., хоть на меня. Я былъ сынъ бѣднаго священника. Но Богъ далъ мнѣ способность учиться. Благодаря Русскому Правительству я получилъ образованіе сначала въ Тифлисѣ, потомъ меня повели въ Россію. Послѣ того дали мнѣ должность, за службу награждаютъ и поощряютъ, и вотъ теперь вы видите, какъ меня всѣ почитаютъ и уважаютъ. Все это будетъ и съ вашею родиною и съ вашими дѣтьми, ежели только вы искренно и тѣсно соединитесь съ русскими“.

Да, это по истинѣ великое собраніе Руси и сотрудничество грузинскаго народа благословенному Дому Романовыхъ въ дѣлѣ расширенія и укрѣпленія Россіи, упроченія и процвѣтанія русскаго дѣла на южной окраинѣ. Остается пожелать, чтобы эта взаимная помощь, это соработничество, эта общность интересовъ и миссіи больше и больше крѣпли, росли и находили бы достойныхъ цѣнителей.

Какъ церковную проповѣдь сдѣлать живой и дѣйственной и что нужно понимать подъ художественностью слова.

(Окончаніе *).

Остроуміе рѣчи.

Остроуміе сказывается либо въ словахъ, либо въ поступкахъ проповѣдника. Остроуміе имѣетъ громадное значеніе въ проповѣдничествѣ, но имъ не должно злоупотреблять, иначе проповѣдь можно превратить въ пустое актерство, фиглярство и грубое безъидейное каламбурство, какъ это дѣлали въ своихъ поученіяхъ Стефанъ Яворскій и Феофанъ Прокоповичъ. Но если остроуміе понято проповѣдникомъ, какъ средство возбужденія въ слушателяхъ чувства религіознаго воодушевленія и благоговѣнія, а не улыбки и пустого смѣха, то оно имѣетъ глубокую цѣну и плодотворность. Спаситель обладалъ необычайной остротой ума, и онъ всюду пользовался ею. Даже раціоналистъ Э. Ренанъ прекрасно замѣтилъ это—когда говоритъ: „Un sentiment exquis — de la nature lui fournissait a chaque instant des — *images expressives*. Quelquefois une finesse remarquable ce que nous-appelons de *l'esprit relevait ses afforismes*; J'autres fois leur formes vives tenaient à l'heureux emploi de *proverbes populaires*“ (**) (тонкое пониманіе природы давало Ему ежеминутно, необходимую для рѣчи выразительность образовъ. Афоризмы Его поражаютъ иной разъ замѣчательной мѣткостью, тѣмъ, что мы называемъ остроуміемъ (*l'esprit relevé*); въ другихъ случаяхъ удачное примѣненіе народныхъ поговорокъ и пословицъ придаетъ Его рѣчи необычайную живость). Весьма много правды въ этихъ словахъ французскаго мыслителя. Дѣйствительно, Спаситель всюду и вездѣ пользовался остротой своего необычайнаго ума. Вспомните Его дивный отвѣтъ фарисеямъ и книжникамъ относительно «кинсона». На вопросъ

*) См. начало въ № 15 „Вѣстника Грузинскаго Экзархата“ 1915 г.

**) „Vie de Jesus“ — (р. 94) E. Renan.

„надлежитъ ли давать «кинсовъ» Кесарю?“ Онъ отвѣтилъ въ высшей степени мудрой и остроумной фразой: „воздайте Кесарево, Кесареви, а божье Богами“. Таковы же Его выраженія „Кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый брось на нее камень“. „Марео, Марео! Печешися и молвиши о мноземъ, едино же есть на потребу“ и д.—и д. Остроуміе сказывается и во всѣхъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ писаніяхъ; вспомните, напр.: притчи Соломона, псалмы Давида, книги пророческія, и Иисуса сына Сирахова, Іова, а изъ новозавѣтныхъ всѣ апостольскія писанія. Остроуміе въ проповѣди, приблизительно, значитъ тоже, что разноцвѣтные огни въ фейерверкахъ, или бенгальскіе огни, или огни Эльма. Кто не знаетъ красоту и прелесть этихъ огней; а остроуміе имѣетъ для слуха и сердца такое же значеніе, какое иллюминаціи имѣютъ для зрѣнія. Спрашивается, почему же церковному проповѣднику не пользоваться имъ?

Но остроуміе, какъ мы сказали выше, проявляется и въ поступкахъ проповѣдниковъ слова Божья. Такъ напр., самъ Спаситель, желая наглядно представить образъ истиннаго слуги и вѣрнаго пастыря, взявъ умывальницу съ водою, взявъ и полотенце и сталъ умывать ноги своимъ ученикамъ, говоря: „Образъ бо дахъ вамъ, яко Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите“ (Іоан. 13 гл. 15). Остроуміе въ поступкахъ замѣчается въ особенности у пророковъ, изъ нихъ больше всего — въ символическихъ дѣйствіяхъ пророковъ Іезекиіля, Осии и Іереми. Имъ въ значительной мѣрѣ пользовались св. отцы, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ и др. А изъ русскихъ просвященныхъ іерарховъ остроуміемъ въ поступкахъ часто пользовался Высокопреосв. Иннокентій Херсонскій. Напр., онъ, однажды, говоря, слово о „тщетности земной жизни человѣка“, поступилъ такъ: слово началъ онъ въ церкви, а закончилъ его на кладбищѣ. Точно такъ же поступилъ онъ въ день Великаго Пятка. Слово свое онъ повелъ сначала изъ примѣровъ повседневной жизни, напр.—какъ поступаютъ люди относительно наслѣдства, когда кто-нибудь изъ близкихъ лицъ умираетъ; здѣсь, бываетъ сначала плачь и сѣтованія, а затѣмъ начинаютъ говорить о завѣщаніяхъ. И тутъ святитель обнаружилъ гениальнѣйшую остроту своего просвѣщеннаго ума. Указавъ на Евангеліе, какъ на книгу завѣтовъ, онъ старается прочитать „завѣщанное“ Спасителемъ. „Разомкнемъ сію книгу завѣтовъ и узнаемъ, что завѣщаль намъ Господь“, говоритъ святитель и, открывъ ее, читаетъ Евангелія отъ Іоанна—изъ прощальной бесѣды Спасителя. Видѣвшіе и слышавшіе это утверждаютъ, что—и чтеніе и остроуміе святителя были въ высшей степени умилительны и трогательны. Остроуміе такимъ образомъ дѣлаетъ проповѣдь живой,

интересной, наглядной и мощной; поэтому нужно прибѣгать къ его услугамъ.

Вопросы и восклицанія.

Великое значеніе имѣютъ для живости рѣчи вопросы и восклицанія. Вся ваша жизнь складывается изъ вопросовъ и восклицаній. Есть интереснѣйшій разсказъ у А. П. Чехова—„Жизнь въ вопросахъ и восклицаніяхъ“. Насъ поражаетъ замѣчательная правдивость и естественность этого небольшого разсказа. Мы, быть можетъ, употребляемъ не меньше тысячи вопросовъ и восклицаній: „Что намъ дѣлать? Куда намъ идти? Какъ вы думаете? Ахъ, Боже, мой! Какъ, хорошо! Какъ, дурно! Какая прелесть!“ и д.—и д.. Это повседневные наши вопросы и восклицанія. $\frac{2}{3}$ —нашихъ разговоровъ состоятъ, именно, изъ однихъ вопросовъ и восклицаній. Люди больше вопрошаютъ другъ друга и природу, чѣмъ положительно и прямо бесѣдуютъ съ ними. Есть даже въ нашемъ духѣ—особенное, удивительное стремленіе—отвѣчать на вопросы—вопросомъ же. Наконецъ, что такое все наше знаніе, какъ не отвѣтъ на тѣ или иные вопросы жизни и духа? Если такъ велико значеніе вопросовъ и восклицаній въ обыденной, повседневной жизни, то почему же пренебрегать ими въ церковныхъ поученіяхъ. Вопросы оживляютъ проповѣдь и будятъ вниманіе слушателей. Когда проповѣдникъ звонко, громко и четко ставитъ вопросы въ началѣ или серединѣ своего слова, то слушатели стараются собрать свое разсѣянное и уставшее вниманіе и жаждутъ отвѣта. Громкій и умный вопросъ выводитъ вниманіе изъ лѣни и сна и будитъ сознаніе слушателей. Сила и значеніе хорошихъ вопросовъ въ церковныхъ поученіяхъ такъ же велико, какъ и значеніе нашихъ утреннихъ академическихъ звонковъ, которые будятъ отъ сна заспавшихъ студентовъ, и призываютъ ихъ въ аудиторіи къ слушанію лекцій. Когда задается умный вопросъ непременно ждешь отвѣта. Въ этомъ ожиданіи и желаніи выслушать отвѣтъ проповѣдника—безусловная психологическая цѣнность разумныхъ вопросовъ. Разумѣется, отвѣтъ всегда долженъ быть полный, вѣрный, умный, естественный и понятный, иначе онъ породитъ у слушателей скуку и разочарованіе въ ожидаемомъ. Отъ невѣрнаго или непонятнаго отвѣта—слушатели скучаютъ и вѣваютъ. Бываетъ три вида вопросовъ необходимыхъ въ церковныхъ поученіяхъ. Это—вопросы упавшаго и скорбящаго духа; таковы, напр., вопросъ св. Іоанна Златоустаго: „Что мнѣ сказать и о чемъ говорить?“ и д. Затѣмъ, вопросы возбуждающіе; таковы, напр., вопросы Иннокентія Херсонскаго: „Слышали вы удары грома?, видѣли ли вы блескъ молніи?“—и дальше

начинается удивительная отвѣтная рѣчь: „Здѣсь ударилъ громъ, здѣсь блеснула молнія“... и, наконецъ, вопросы юридическіе (цицероновскіе) —таковъ вопросъ Цицерона: „Кателина, доколѣ ты будешь злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ?“... Всѣ три вида вопросовъ имѣются въ посланіяхъ св. ап. Павла (ср. посл. къ Рим. (1—9 гл.)) и въ другихъ апостольскихъ писаніяхъ. Таковъ же вопросъ Спасителя Фарисеямъ и Садукеемъ о сынѣ Давидовомъ. Онъ спросилъ ихъ: „кто такой есть Мессія?“ Они отвѣтили: „Сынъ Давидовъ“. Тогда Спаситель еще разъ спрашиваетъ, „какъ же Давидъ называетъ Его Господомъ, если Онъ сынъ ему?“... Они на вопросъ Спасителя отвѣтить не могли и отошли постыдно (здѣсь имѣеть мѣсто „цицероновскій“ или юридическій вопросъ).

Большое значеніе имѣютъ также восклицанія или молитвенный падежъ (молитвенное обращеніе къ образу Спасителя или прямо къ небу). И въ обыденной жизни восклицанія и крики всегда имѣютъ своихъ слушателей и любителей. Когда, кто-нибудь кричитъ и восклицаетъ, то волей-неволей обратишь вниманіе на него, что ему нужно, о чемъ онъ кричитъ и проч. Восклицаніе имѣеть и въ поученіяхъ большое значеніе; но пользоваться имъ нужно всетаки умѣренно, придерживаясь вѣрнаго принципа „ничего слишкомъ“. Вопросы и восклицанія въ поученіяхъ имѣютъ такую же силу и дѣйственность, какую имѣеть „соло“ или „дуэтъ“ въ партесныхъ пѣснопѣвіяхъ. Это, такъ сказать, музыкальныя ударенія рѣчи; отбиваніе времени часовыми стрѣлками органа рѣчи; поэтому они очень цѣнны и цѣлесообразны въ хорошихъ рѣчахъ и поученіяхъ.

Смѣлость рѣчи.

Фр. Бэконъ, въ одномъ изъ своихъ афористическихъ разсказовъ, на вопросъ: „Что нужнѣе всего общественному дѣятелю и оратору?“ отвѣчаетъ такъ: „Во-первыхъ смѣлость. А второе?—смѣлость, а третье? (опять) всетаки смѣлость?“ Здѣсь на три вопроса философъ даетъ одинъ отвѣтъ. (См. соч. Бэкона „Н. Органонъ“ II томъ). Дѣйствительно, если вникаемъ въ сущность сказаннаго философомъ, мы должны будемъ согласиться съ нимъ. Въ чемъ же дѣло? А вотъ—въ чемъ. Ораторъ тщедушный, нерѣшительный, трусливый, безхарактерный и неубѣжденный въ истинности того, что говоритъ, никогда не будетъ имѣть успѣха. Кто же его слабого и юродиваго станетъ слушать? Въ самомъ дѣлѣ, что нужно разумѣть подъ смѣлостью рѣчи? И возможна и допустима ли смѣлая проповѣдь на церковной кафедрѣ? Подъ смѣлой рѣчью нужно понимать такую рѣчь, которая отличается наибольшей оригиналь-

ностью, самостоятельностью, доказательностью *) и убѣдительною; сюда же нужно прибавить еще твердость и рѣшительность тона, съ которымъ рѣчь произносится ораторомъ, его спокойствіе и полную убѣжденность. Въ противномъ случаѣ, его рѣчь будетъ казаться пустымъ „рисованіемъ“, „громкими фразами“, „кимваломъ звучащимъ и мѣдью звенящей“. Смѣлость только тогда хороша, когда съ ней соединяется убѣжденіе, иначе она будетъ казаться пустымъ „словеснымъ барабаниваніемъ“ и „жидкимъ велегласіемъ“... Необходимо говорить проповѣднику всегда смѣло; потому что трусость, нерѣшительность, двоедушіе—всегда и вездѣ цѣнятся весьма низко. Эти качества указываютъ только на духовную слабость проповѣдника и отводятъ отъ него слушателей. Какой же въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ повѣритъ и пойдетъ вслѣдъ за тѣмъ, кто не въ состояніи смѣло и рѣшительно высказать свое убѣжденіе. Трусы и слабые личности—нигдѣ и никогда не имѣли никакого успѣха. Такіе люди не оставляли послѣ себя ни учениковъ, ни школы, а при жизни были осмѣиваемы и презираемы. Наоборотъ, люди сильные умомъ и волей и даже физическимъ тѣлосложеніемъ, всегда были предметами особенной любви, поэзіи, исторіи и историческихъ романовъ, народныхъ гимновъ и д.—и д. О людяхъ сильныхъ, смѣлыхъ, твердыхъ и убѣжденныхъ всегда отзываются, какъ о герояхъ. Память ихъ хранится въ родѣ родовъ, слава ихъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе; притомъ каждое поколѣніе стремится воспѣть героямъ свой собственный гимнъ. Вообще—нужно сказать, что человечество всегда и вездѣ высоко цѣнило и цѣнить мужество и смѣлость не только въ дѣлахъ, но и въ ученіяхъ и словахъ и рѣчахъ. Итакъ, вездѣ нужно смѣлость, мужественность и твердость; но отъ излишества и увлеченія избави, Богъ! Нужно стараться, чтобы смѣлость рѣчи не превратилась въ дерзость рѣчи; чтобы златоустовщина не превратилась въ илюдировщину; нужно стараться, чтобы оригинальность и смѣлость рѣчи не покупались грубыми словесными эксцессами и выпадами. Такая рѣчь проповѣдника—оскорбитъ слушателей и поколеблетъ престижъ самого проповѣдника. Поэтому смѣлость рѣчи всегда должна соединяться съ умомъ, сердечностью и душевнымъ благородствомъ говорящаго лица. Быть смѣлымъ проповѣдникомъ вовсе не значитъ давать полную свободу языку и громить вѣхъ и вся, а только то, чтобы проповѣдникъ говорилъ съ вѣсомъ, съ убѣжденіемъ, бодро,

*) Для болшей выпуклости и убѣдительности рѣчи необходимо пользоваться даже цитатами не только изъ словъ и поученій проповѣдниковъ-классиковъ, но и изъ лучшихъ поэтическихъ и научно-философскихъ произведеній, потому что цитатія всегда уясняетъ, раскрываетъ и даже углубляетъ ту или иную мысль самого цитирующаго лица и помогаетъ ему въ анализѣ своего предмета.

не робѣя, съ полнымъ уваженіемъ и искренней преданностью къ тому, что онъ говорить, и къ тѣмъ, кому онъ говорить. Относительно нагорной бесѣды Спасителя евангелистъ Матеей замѣчаетъ такъ: „И когда Иисусъ окончилъ слова сіи, народъ дивился ученю Его, ибо Онъ училъ ихъ, *какъ власть имѣющій*, а не какъ книжники и фарисеи“. Что значать слова: „Онъ училъ ихъ, *какъ власть имѣющій*?“ Что иное они могутъ значить, какъ не то, что Спаситель говорилъ какъ Истинный учитель—смѣло, рѣшительно, полно, съ высочайшимъ благородствомъ души и безконечной любовью и къ тѣмъ, кому говорилъ, и къ тому, что говорилъ. Рѣчь Спасителя была совершенно чужда фарисейскаго криводушія, лицемерія, фиглярства и внутренней робости и тупости фарисейскаго благочестія. Она была вѣншимъ пламенемъ внутренняго огня, горящаго въ божественной личности Спасителя. Всѣ притчи и рѣчи Спасителя отличаются такой же необыкновенной смѣлостью; вспомните, 23 гл. Матеея, 16 гл. того же Евангелиста; 5—6—7—8—9—10 гл. Евангелиста Іоанна Богослова. Всѣ апостольскія писанія тоже дышатъ необычайной смѣлостью и рѣшительностью; вспомните рѣчи св. ап. Петра, рѣчь арх. Стефана, Павловы посланія—нигдѣ мы не видимъ ни малѣйшаго отступленія отъ заветовъ Своего Божественнаго учителя; посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь Спаситель всегда говорилъ: „не убойтесь!“ и св. апостолы прекрасно поняли своего Учителя. Слова и поученія св. отцевъ и учителей церкви тоже отличаются необычайной смѣлостью и рѣшительностью; таковы слова св. Григорія Богослова его „*пять словъ о богословіи*“ слова, бесѣды и поученія св. Іоанна Златоустаго, вспомните хотя его слово—„*противъ зрѣлицъ*“. Затѣмъ, слова—Иннокентія Херсонскаго, Филарета Московскаго, который за смѣлую рѣчь въ Троицннъ день, чуть-чуть не заплатился, еще будучи свѣтскимъ человѣкомъ, отъ завистливаго тогдашняго Московскаго митрополита. Слово на Сырную седмицу св. Тихона Задонскаго тоже отличается необычайной смѣлостью. Смѣлость для проповѣди имѣеть такое же значеніе, какое легкія имѣють для нашего организма; они вгоняють и вводятъ въ нашъ организмъ кислородъ—и прочищаютъ венозную кровь; а смѣлость рѣчи—есть пламя, огонь попадающій въ терзанія сердца и колебанія ума. Для того, чтобы владѣть людьми и быть „ловцомъ человѣковъ“, нужны—воодушевленіе, пламя души и огонь энтузіазма. „Не забывайте, другъ мой“, говорилъ умирающій Сень-Симонъ своему любимому другу Родриго, „нужно быть энтузіастомъ, чтобы совершить великія дѣянія!“—„Когда желаешь привлечь людей на свою сторону необходимо внушить имъ, что ты знаешь и понимаешь, больше, чѣмъ они

(т. е. нужно говорить повышеннымъ тономъ), говорить Л. Андреевъ *). Смѣлость и рѣшительность тона необходима для церковныхъ проповѣдниковъ; и проповѣдь нужно сдѣлать таковой, иначе она никогда не произведетъ должнаго впечатлѣнія и дѣйствія. Всякая дѣятельность и дѣйственность предполагаетъ силу и мощь дѣйствующаго лица или вещи, и проповѣдь, чтобы быть дѣйственной должна обладать этой силой и мощью внутренняго религіозно-нравственнаго огня.

Корректность рѣчи.

Со смѣlostью рѣчи всегда должна соединяться корректность и деликатность рѣчи или то, что Ницше называетъ „совѣстью ушей“, иначе проповѣдь будетъ казаться грубой и противной. Человѣческая природа весьма многообразна. Личность человѣка—бездна цѣнностей и нецѣнностей. Человѣкъ содержитъ въ себѣ чудовищное царство мыслей, и свѣтлыхъ, и благородныхъ, и черныхъ, и темныхъ и страшныхъ. Мозгъ человѣка можно сравнить съ глубиной моря, гдѣ кишать и терзають другъ друга равныя морскія чудовища. „Всѣ силы, какія есть въ мѣрѣ, нашель я въ душѣ человѣка, и не дремала ни одна изъ нихъ, и въ буйномъ водоворотѣ своемъ каждая душа становилась подобной водяному смерчу, основаніемъ которому служить морская пучина, а вершиной—небо. И каждый человѣкъ, какъ я это позналъ и увидѣлъ, былъ подобенъ тому богатому господину, который устроилъ пышный маскарадъ въ замкѣ своемъ и освѣтилъ замокъ огнями; и сѣхались отовсюду странныя маски, и любезно кланяясь, привѣтствовали ихъ господинъ, тщетно вопрошая, кто—это; и приходили все болѣе странныя, все болѣе ужасныя (маски) и все любезнѣе кланялся господинъ, шатаясь отъ усталости и страха. А онѣ смѣялись и нашептывали страшныя рѣчи объ извѣстномъ хаосѣ—откуда пришли онѣ, покорныя на зовъ господина“ **), говорить одинъ изъ героевъ Л. Андреева; что можетъ быть глубокомысленнѣе и разительнѣе этого чрезвычайно остроумнаго опредѣленія и характеристики духовной жизни человѣка. А другой русскій писатель, Вересаевъ о душѣ человѣка говоритъ слѣдующее: „Въ душѣ человѣка угрюмый неприглядный хаосъ. Безсилно крутятся во мракѣ разъединенные обрывки чувствъ и настроеній. Въ темныхъ вихряхъ вспыхиваютъ слабыя огоньки жизни, отъ которыхъ мракъ вокругъ еще ужаснѣе... Въ сумеречной глубинѣ души человѣческой лежитъ діаволь; ему нѣтъ воли. Его держитъ заключеннымъ въ низахъ души тяжелая крышка—Богъ. Діавольъ зады-

*) Л. Н. Андреевъ «Мои замѣтки».

**» «Мои записки», соч. Л. Андреева (стр. 223).

хается въ глубинѣ, рвется на волю, просить жизни. И все очевиднѣе становится для человѣка, что этотъ діаволь есть онъ самъ, что это душа его просить воли“ *). Однимъ словомъ, душа человѣка есть безконечная загадка, вѣчная тайна не только для другихъ лицъ, но и для самого человѣка; она „есть“ по прекрасному выраженію А. П. Чехова, „дремучій лѣсъ“, гдѣ растутъ, какъ хорошія, такъ и дурныя деревья. „Человѣкъ есть сумма—безконечнаго и конечнаго,—великаго и ничтожнаго“ говорилъ Блезъ Паскаль. Въ душѣ человѣка бывають (и очень часто) такіе моменты, когда онъ готовъ, подобно одному изъ героевъ Л. Андреева, „вырвать свой собственный мозгъ и топтать его ногами“. Какое-нибудь слово не во-время сказанное, а тѣмъ болѣе оскорбительное для самолюбія человѣка, можетъ превратить человѣка въ страшнаго звѣря. Человѣкъ—царь природы, ея вѣнецъ и украшеніе, но человѣкъ и рабъ, и червь, и гадъ, и звѣрь ея. Таково состояніе души человѣческой. Къ ней нужно подходить очень осторожно и любовно. Нужно строго слѣдить за своими мыслями и выраженіями ихъ; нужна строгая цензура духа, и цензура языка, иначе разъ навсегда можно утратить человѣка. „Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣхъ, точно Духъ Божій, живущій въ немъ“, говоритъ св. ап. языковъ. Всякихъ рѣзкихъ фразъ и грубыхъ выраженій нужно всегда избѣгать, чтобы не оскорбить тѣхъ, которые пришли слушать проповѣдника. Тамерланство и чингизханство въ церковныхъ поученіяхъ немислимы и безобразны. Есть проповѣдники, которые не знаютъ мѣры, для которыхъ, такъ сказать „законъ не писанъ“, и громятъ всѣхъ и вся. Такіе ничтожные слабоумные проповѣдники искусство называютъ пошлостью, живопись—порнографіей, философію—ересью, поэзію—ничтожествомъ, знаніе и науку—пустотой. О, сколько пустоты, умственнаго безсилія и нравственной истощенности въ подобныхъ поученіяхъ! Какъ страшно видѣть безумныхъ тамерлановъ на нивѣ міровой святыни, науки и просвѣщенія! Подобные люди не знаютъ мѣры и какъ пустыя бочки сотрясають и ужасають слуховыя нервы. Они все время говорятъ только о мечѣ, а любовь христіанская совершенно чужда имъ; такимъ проповѣдникамъ можно сказать тоже, что Мефистофель говоритъ разгнѣванному Фаусту: „Ты за громы хватаешься? Хорошо, что Онъ вамъ жалкимъ смертнымъ не далъ ихъ на руки, а то вы бы раздробили всякаго, кто сталъ бы вамъ противорѣчить!“ Есть единственное средство, чѣмъ можно побѣдить и покорить всякаго человѣка-звѣря. Это—любовь, любовь и любовь къ людямъ. Ею Спаситель побѣдилъ міръ, и намъ завѣщалъ пользоваться не „оружіями

*) «Живая жизнь», соч. Вересаева (стр. 16 и 50).

міра“, которыми Онъ владѣть лучше насъ (мечъ и огонь), а тѣмъ небеснымъ огнемъ, теплотой и смиреніемъ, чего міръ не знаетъ, но передъ чѣмъ міръ преклоняль и „преклонить колѣни“, по выраженію св. ап. Павла.

Св. ап. Павелъ отличался величайшей деликатностью и корректностью рѣчи и обращенія. Вспомнимъ, хотя бы его знаменитую рѣчь въ Аѳинскомъ Ареопагѣ, въ этомъ храмѣ греческой культуры и искусства. Не громить и обличать его мудрецовъ и мудрость вошелъ туда св. Павелъ, но показать этимъ мудрецамъ тихо и любовно недостаточность всего того, что они имѣють безусловно хорошаго. Онъ хочетъ сказать имъ, что онъ высоко цѣнить ихъ культуру и благочестіе, и пришелъ дополнить ихъ только. Вотъ, какъ онъ началъ свою дивную рѣчь: „Афиняне! по всему вижу я, что вы, какъ бы особенно набожны; ибо проходя и осматривая ваши святины, я нашель и жертвенникъ, на которомъ написано: „невѣдомому Богу“. Сего-то, котораго вы, не зная чтите, я проповѣдую вамъ“... Какъ тепла, мягка, кротка и многоидейна рѣчь св. Павла! *Сколько въ ней благодѣтельности, любви и уваженія къ чужимъ—убѣжденіямъ и совѣсти! Поистинѣ, только онъ одинъ могъ сказать „всѣмъ быхъ вся, да нѣкія спасу“.* Односторонность, чуждость, близорукость, излишняя тенденціозность, неумѣренный тактъ, вспыльчивость, рѣзкость, чрезмѣрная мнительность и надменность — вотъ могила проповѣди, вотъ язва и гибель проповѣдника! Никогда не слѣдуетъ создавать въ себѣ какой-то искусственный безумный гнѣвъ и жалить всѣхъ и вся. Кротостью и любовью—побѣждать міръ—вотъ мой искренній завѣтъ и совѣтъ хорошимъ проповѣдникамъ. Пусть слово его будетъ тихо, какъ дуновеніе зефира, сладко, какъ дыханіе розы, приятно, какъ пѣніе соловья, прекрасно, какъ утренняя заря, мощно и свѣтло и животворно, какъ теплое и чудное весеннее солнце! Пусть у ногъ проповѣдника цвѣтуть, растутъ и развиваются слабыя человѣческія души, подобно слабымъ цвѣткамъ подъ благотворными лучами солнца! „Для блага человѣчества необходимо перейти отъ озлобляющей критики зла, къ умиротворяющему дѣлу свиданія добра, отъ ковырянья собственной и (чужой) души путемъ бесплоднаго самоограниченія къ жизни—любовью, къ вѣрѣ дѣйствующей любовью, причемъ вся грязь души сгоритъ на этомъ святомъ огнѣ живой, нѣжной, дѣятельной и торжествующей любви; *отъ критики чужихъ заблужденій (перейти) къ стороннему изложенію той истины, которую мы исповѣдуемъ, отъ проповѣди словомъ къ проповѣди дѣломъ“* *)...

* Соб. соч. Н. И. Неплюева. Томъ IV (стр. 1).

Вотъ истинное, христіанское завѣщаніе всякому общественному и церковному дѣятелю отъ одного изъ высокопросвѣщенныхъ теологовъ и моралистовъ русскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ копаться въ чужой совѣсти, трогать чужія гнойныя раны, рыться въ чужой душѣ и отыскивать различныхъ ужаснѣйшихъ душевныхъ гадовъ и паразитовъ въ ней? Зачѣмъ вскрывать вѣчно этотъ гнилой трупъ ветхаго человѣка, — разворачивать его гной и тлѣніе? Зачѣмъ портить настроеніе добрымъ людямъ? Зачѣмъ отравлять религіозно-нравственную атмосферу вѣрующихъ людей постояннымъ разворачиваніемъ и вскрытіемъ этого страшнаго ядовитаго трупа чужихъ грѣховъ и заблужденій? Зачѣмъ причинять постоянно боль неадекватной совѣсти больныхъ людей, когда можно ихъ нравственную болѣзнь окончательно вылѣчить тихимъ, ароматнымъ, теплымъ—мягкимъ и сладкимъ бальзамомъ дѣйственной, живой и истинной любви, вѣры и легкокрылой прозрачно-свѣтлой, сладкой надежды? Зачѣмъ грязью и гнилью чужой души, растворенными въ бурномъ потокѣ собственной рѣчи обливать слухъ благочестивыхъ слушателей? Зачѣмъ быть фари́сеемъ и заглядывать въ мытарскія раны чужой совѣсти? Зачѣмъ грозный, страшный и чудовищный Синай съ его ужасающими грозами и беспощадно ослѣпляющей молніей, когда у насъ есть прекрасный, чудесный, тихій, ясный, мирный, ласкающій Эаворъ съ дивными неувидаемыми цвѣтами безпредѣльной и безконечной любви и овѣянный тихимъ, сладкимъ и прозрачно-свѣтлымъ облакомъ вѣчной радости и любви? Зачѣмъ проклятія и законы Синая, когда съ чудеснаго Эавора мы слышимъ гласъ вѣчнаго богосыновства и благодати? Зачѣмъ старый и дряхлый законъ, когда „благодать и истина даны намъ Христомъ“.

Чѣмъ теплѣе и сердечнѣе рѣчь, тѣмъ прекраснѣе и дѣйственнѣе она, наоборотъ, чѣмъ она грубѣе, тѣмъ возмутительнѣе и противнѣе рѣчь. Проповѣдники—громилы, „бомбоносцы“ и „меченосцы“ не суть истинные учителя и просвѣтители народа, а враги его. Это безсовѣстные фарисеи, карьеристы, высматривающіе сучокъ въ чужомъ глазу, а бревна же въ своемъ глазу не замѣчающіе, вѣчно-предающіе и распинающіе Христа. Не съ критики нужно начинать дѣло созиданія вѣчнаго добра и царствія Божія, а съ положительнаго и любовнаго раскрытія того безконечнаго безцѣннаго богатства, которыя даны намъ нашимъ Спасителемъ и даны „втуне“. Горе, вамъ, ложные—самозванные проповѣдники—сами не входящіе въ этотъ богатый брачный пиръ Господа и другимъ заграждающіе туда входъ!

Сѣйте, сѣмя любви, смиренія и кротости, и взыдутъ всходы дивныя, зацвѣтутъ цвѣты ароматные и мирные и принесутъ плоды слад-

кіе и благодатныя! Побѣждайте міръ любовью, а меча не берите, ибо „*взявшій мечъ мечомъ и погибнетъ!*“

Кромѣ того, въ проповѣдяхъ безусловно нужно всегда избѣгать такихъ фразъ и выраженій, которыя такъ или иначе *могутъ оскорбить скромность и стыдливость слушателей*,—равно словъ и выраженій, которыя могутъ *вызвать улыбку и даже смѣхъ*; ибо домъ Божій „Домомъ Божиимъ наречется, а не вертепомъ разбойниковъ“ или клубомъ смѣхотворцевъ. Нѣкоторыя слова и выраженія простого житейскаго обихода совершенно неудобны и неприличны съ церковной каеедры; поэтому въ ихъ употребленіи—проповѣднику нужно имѣть большой вкусъ и разборчивость.

Большое значеніе имѣеть для художественности и музыкальности рѣчи и интонація голоса. Красивый тембръ голоса, тихія пониженія и умѣренныя повышенія тона придають рѣчи пріятный, художественный колоритъ. Въ такихъ случаяхъ рѣчь становится прямо таки сладкой и покоряющей. Много значить для успѣха проповѣди и скромность, съ которой держитъ себя проповѣдникъ на церковной каеедрѣ. Неумѣренныя размахиванія и жестикуляціи рукъ, быстрыя движенія корпуса тѣла, закатываніе глазъ и пр. и пр. сильно вредять успѣху проповѣди. Все эти дѣйствія придають проповѣднику—комическій—неприличный видъ; *вниманіе слушателей останавливается нерѣдко на этихъ жестахъ и нервныхъ движеніяхъ, а красота и смыслъ рѣчи совершенно ускользаетъ отъ нихъ*. Пусть и тутъ хорошо помнитъ проповѣдникъ слова св. ап. языковъ: „*Вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу*“. Вообще, актерства и искусственные аффекты вовсе неприличны церковному проповѣднику. Кому, кому, но проповѣднику особенно необходимо научиться владѣть собой; кто собой не владѣеть, тотъ не можетъ быть ловцомъ и обладателемъ людей. Поэтому пусть всегда помнитъ истинный проповѣдникъ слѣдующія слова поэта:

„Если мудрость ты постигнешь—

„Самъ собою управлять,

„Въ жизни многого достигнешь,

„Будешь многимъ обладать.

„Съ душой свѣтлой о Богъ—

„Съ чувствомъ добрымъ для людей,

„Будешь на прямой дорогѣ

„Властелиномъ всѣхъ страстей“. (А. Ѳ. Миляевъ).

Вотъ истинный завѣтъ поэта и моя искренняя просьба всякому пастырю и проповѣднику Слова Божія.

Итакъ, содержательность, правдивость, простота и общедоступность*), образность и картинность рѣчи, хорошія сравненія, приличные эпитеты—правильные контрасты, умные вопросы, остроуміе, смѣлость, оригинальность и корректность рѣчи, и интонація голоса и скромность на церковной каѳедрѣ—вотъ всѣ тѣ величайшія качества проповѣди и проповѣдника, которыя дѣлають первую (проповѣдь) въ высшей степени художественной, прекрасной и дѣйственной, а второго (проповѣдника) „ловцомъ человѣковъ“. *Проповѣдь всегда нужно произносить наизусть и безъ тетрадки. Это мой послѣдній советъ.*

Студентъ III-го курса Импер. Кіев.

дух. академіи Гавріиль Малашхія.

Происхожденіе Миланскаго эдикта 313 года

(или объ условіяхъ, вызвавшихъ торжество христіанства надъ язычествомъ).

14 сентября 1913 года весь православный міръ праздновалъ одно изъ знаменательнѣйшихъ событій въ исторіи человѣчества, имѣвшее столь благотѣльное вліяніе на судьбы міра,—именно 16-вѣковую годовщину *Миланскаго эдикта* 313 года, изданіемъ котораго Греческій Императоръ Константинъ Великій положилъ конецъ 3-вѣковымъ кровавымъ гоненіямъ на христіанъ со стороны язычниковъ и объявилъ дотолѣ гонимую христіанскую вѣру государственною религіею, а язычество запретилъ. Велика заслуга Константина предъ человѣчествомъ! Не даромъ исторія дала ему имя *Великаго*, а Церковь—имя *равноапостольнаго* и причислила къ лику святыхъ.

Ужасны были гоненія на христіанъ! Самъ Константинъ Великій свидѣтельствуетъ, что содрогался при видѣ бевчеловѣчнаго обращенія съ невинными жертвами при Императорѣ Діоклетіанѣ и что эти кровавыя расправы произвели въ немъ окончательный переворотъ въ пользу гонимыхъ христіанъ.

Исторія этихъ гоненій написана очевидцами кровью и слезами. „Если бы у меня были сотни устъ и желѣзная грудь,—пишетъ современникъ событій—Лактанцій,—то и тогда я не могъ бы исчислить всѣхъ родовъ мученій, претерпѣнныхъ вѣрующими“. Звѣрство гонителей доходило до того, что изувѣченныхъ своа лѣчили, чтобы опять мучить! „Я

*) Для того, чтобы сдѣлать рѣчь общедоступной—необходимо сообщить ей современный характеръ. Это обстоятельство надобно всегда имѣть въ виду, когда хотятъ воздѣйствовать на волю слушателей при помощи слова. Почти всѣ слова и рѣчи св. Златоуста, Василія Великаго и др. носятъ именно такой характеръ, а у кого же брать примѣры намъ, какъ не у нихъ?

самъ былъ очевидцемъ этого, — говоритъ историкъ Евсевій, — такъ что желѣзо притуплялось и ломалось, а сами убійцы, утомившись, поочередно смѣняли другъ друга“. Невинныхъ христіанъ жгли на кострѣ, вѣшали, распинали, колесовали, обезглавливали, усѣкали мечемъ, бросали ко львамъ въ циркахъ для увеселенія публики, съ живыхъ снимали кожу, набивали соломой и вѣшали на деревьяхъ, а живое тѣло смазывали уксуомъ, солью, или медомъ и выставляли насѣкомымъ на солнцѣ и проч. и проч.

Но о чудо! Побѣдителями изъ этой неравной борьбы вышли не римскіе легіоны, покорившіе міръ и создавшіе всемірную монархію, а убогіе, тихіе, безоружные и беззащитные христіане!

И самъ собою напрашивается вопросъ: какимъ чудомъ объяснить эту побѣду при столь неравной борьбѣ? Она объясняется тогдашнимъ политическимъ и религіозно-нравственнымъ состояніемъ языческаго міра и духовною мощью самаго христіанства.

Христіанство явилось міру религіею Богочеловѣка, религіей единенія челоуѣка съ Богомъ, религіей возрожденія, спасенія, искупленія, религіей Царства Божія на землѣ, мира, прощенія, непротивленія злу, смиренія, братства, равенства, свободы и служенія Богу въ духѣ и истинѣ. Всѣ эти идеи, при всей своей новизнѣ и идеальной высотѣ, находили нѣкоторую удобную почву въ жизни греко-римской имперіи и религіозномъ сознаніи тогдашняго челоуѣчества.

Какъ извѣстно, язычество во всѣхъ своихъ формахъ представляетъ уклоненіе отъ первоначальной истинной религіи, и какъ таковое, при всемъ искаженіи сохранило въ себѣ существенныя черты своего прототипа. Эта общая канва и дѣлала возможнымъ нѣкоторое сопрیکосновеніе между язычествомъ и іудействомъ-христіанствомъ. Однимъ изъ такихъ пунктовъ сопрیکосновенія явилась встрѣчающаяся почти во всѣхъ главныхъ языческихъ религіяхъ идея нравственнаго паденія челоуѣчества и необходимости искупленія.

Въ Индійскихъ *Ведахъ* богу Варунѣ воспѣвается такой гимнъ: „Какъ я могу достигнуть тебя, Варуна?.. Я вопрошаю тебя, Варуна, — когда явится у меня желаніе признать мои грѣхи? Всѣ мудрецы говорятъ мнѣ: „Варуна прогнѣванъ тобою“. Не за древній ли это грѣхъ хочешь ты, Варуна, погубить твоего друга? Изреки намъ освобожденіе отъ грѣховъ нашихъ отцовъ!“

Въ Персидской *Зендавестѣ* читаемъ: „Къ тебѣ я ваываю, Ормуздъ, праведный судья, щедрый, благій, милосердный, каюся я передъ тобою во всѣхъ моихъ грѣхахъ и отрекаюся отъ нихъ. Боже, будь милостивъ къ тѣлу моему и душѣ моей въ этомъ мірѣ и будущемъ!“

Этимъ же сознаниемъ проникнуты сочиненія и лучшихъ классическихкихъ писателей. По Горацию, „безъ пороковъ никто не родится“, по Ювеналию, „нынѣ злыхъ людей земля производитъ“, по Сенека, „все мы безразсудны, злы среди злыхъ“, по Овидію, „внушаетъ страсть мнѣ одно, а другое мой умъ, вижу лучшее, а къ худшему иду“ (15 кн.). Мысли Овидія почти во всемъ совпадаютъ со словами ап. Павла, пишущаго: „не повимаю, что дѣлаю, п. ч. не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Желаніе добро есть во мнѣ, но, чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающей меня плѣнникомъ закона грѣховаго. Бѣдный я человекъ! Кто избавить меня отъ сего тѣла смерти?“

При такомъ всеобщемъ настроеніи естественно усиливалось чувство ожиданія какого-то *Праведника*, имѣющаго искупить грѣхи міра. Въ своей „Политикѣ“ философъ Платонъ говоритъ объ этомъ праведникѣ и предсказываетъ ему смертную казнь на крестѣ за правду, въ чемъ видѣли даже явные намеки—на крестную смерть христіанскаго праведника—Исуса. Его предчувствовалъ и Сократъ, который находилъ, что нужно подождать будущаго Наставника, который печется о человекѣ и научить его молитвѣ; нужно-де отогнать „мракъ съ души“ и приносить жертвы тому „Праведнику“.

Эта религіозная скорбь проникла даже въ поэзію. Гомеръ въ своей „Одиссеѣ“ самымъ несчастнымъ на землѣ считаетъ человекъ (VII, 281), а по Цицерону лучше не родиться. Благодаря такому настроенію возникли даже сказанія о золотомъ вѣкѣ (у Овидія, Ювеналия, Виргилія и др.). Виргилія христіанскіе писатели считали даже за предтечу Христа, въ виду ясныхъ предсказаній о какомъ-то божественномъ ребенкѣ, имѣющемъ родиться и обновить міръ. Въ „Полліонѣ“ онъ говоритъ (за 40 л. до Р. Хр.): „въ міръ родился, чтобъ вѣкъ золотой возвратитъ земнороднымъ, другой Апполовъ, явившійся съ неба для спасенія смертныхъ“. Съ рожденіемъ его, по Виргилію, „новое время настанетъ и Сатурново царство снова начнется“. „Подъ властью твоею, пишетъ поэтъ,—громные львы не посмѣютъ стада твои тучныя тронуть“, пророчество, такъ напоминающее извѣстное мѣсто въ книгѣ пророка Исаи, жившаго за 500 л. до Виргилія и пророчествовавшаго, что по рожденіи отъ Дѣвы Эммануила, „волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ... и корова будетъ пастись съ медвѣдицею... и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому“ (11, 6—8, 7, 14). Сюда же относятся разныя воплощенія Виш-

ны у Индусовъ, для спасенія человѣчества отъ „великана“, „тирана“, „потопа“, а равно ожиданіе Персами великаго пророка *Сосіоши*, грядущаго съ востока и имѣющаго родиться отъ чистой Дѣвы для обновленія міра.

Ожиданіе избавителя было такъ велико, что его видѣли во многихъ современныхъ событіяхъ и лицахъ. *Избавителя* видѣли одни въ Августѣ, другіе въ Веспасіанѣ. Въ Римѣ отъ нихъ ожидали основанія всемірнаго царства и называли ихъ Аполлономъ. Гораций умоляетъ вѣщателя Аполлона послѣшить на землю, *Виргилій* Августа называетъ сыномъ Бога, да и самъ Августъ изображалъ себя въ образѣ Аполлона. Въ Египтѣ Веспасіана одинъ слѣпой принялъ за Спасителя и просилъ грязью помазать ему глаза и исцѣлить. Мессіанскія же ожиданія проглядываютъ и въ мѣтахъ о смерти Агамемнона, Клитемнестры и Ореста, изъ коихъ Агамемнонъ—Зевсъ, Клитемнестра—Земля, Орестъ—Аполлонъ, сынъ Зевса, весьма напоминающій І. Христа, ибо оба они—посредники между небомъ и землею. Зевсъ сходитъ къ землѣ, дѣлаетъ ее матерью будущаго своего избавителя, избавитель рождается. Онъ (Солнце) погибаетъ въ борьбѣ съ сынами Земли (гигантами) и тѣмъ (т. е. своею смертью), по мѣу, приноситъ *новое мѣто*, напоминающе Исаиное „лѣто Господне благоприятное“ (61, 1—2).

Сближало язычество съ христіанствомъ и его ученіе о душѣ, загробной жизни и воздаяніи. Для нашей пѣли особенное значеніе имѣютъ тайныя мистеріи Елевзинскія и Орфическія. „Это ученіе предваряло христіанство, значительно облегчило дѣло христіанскимъ проповѣдникамъ и сильно христіанизовало имперію“. Душою этого ученія былъ мѣвъ о страждущемъ богѣ Діонисѣ, растерзанномъ титанами, и о воскресеніи Евридики Орфеемъ, что весьма напоминало христіанское ученіе о распятіи и воскресеніи Богочеловѣка. Мистеріи поддерживали вѣру въ загробную жизнь, воздаяніе, адъ, рай, въ необходимость очищенія и подготовки здѣсь.

Далѣе, сильно сближало язычество съ христіанствомъ развитіе въ первомъ идей единобожія, особеннаго своего апогея достигшей, ко времени появленія христіанства и въ періодъ гоненій, подъ вліяніемъ ученія Сократа, Платона, неоплатонниковъ и стоиковъ, а равно и востока, всегда болѣе склоннаго къ монотеизму. Эта идея единобожія была сильною и въ мистеріяхъ; отсюда она и проникла въ философію, что сдѣлало ее особенно популярною. Платонъ въ своемъ „Тимей“ всѣхъ народныхъ боговъ называетъ тварями единаго высшаго бога.

Стремленіе къ единобожію еще болѣе было развито у Римлянъ. Они вѣровали въ единую міровую волю, а людей считали преломле-

ніемъ этой міровой воли. Отсюда возникъ у нихъ культъ отдѣльныхъ геніевъ—людей, закончившійся единымъ культомъ Императора. Этотъ процессъ привелъ сначала къ образованію *союза боговъ* (интеграція), а послѣ къ признанію единой богини *фортуны* (судьба), на подобіе греческаго Моуча (Рокъ). Такъ, образовался союзъ Марса и Квирина во главѣ съ Юпитеромъ на Квириналѣ при сліянніи общинъ Палатинской и Сабинской, союзъ Минервы и Юноны подъ покровительствомъ того-же Юпитера при Тарквиніяхъ, по случаю присоединенія къ Риму Этрусскихъ и Латинскихъ городовъ. Подчиненіе союзовъ Юпитеру знаменуетъ собою то, что до строгаго, единобожія остается только одинъ шагъ. Когда-же завоеванія Александра Македонскаго открыли путь къ востоку, волны восточнаго религіознаго вліянія широко залили Европу и восточный культъ единой Матери боговъ вступилъ въ борьбу съ греческимъ политеизмомъ и безъ труда сокрушилъ его. Въ свою очередь по завоеваніи Греціи римлянами греческое вліяніе сильно эллинизовало Римъ, греческій культъ, какъ болѣе стройный, цѣльный и художественный, явно сталъ убивать и скоро на мѣстѣ римскихъ понтифексовъ воцарилась греческая сакральная коллегія. Идея національнаго культа явно стала уступать мѣсто идеѣ общечеловѣческаго Бога и общаго культа.

Особенно благопріятно повліялъ на это восточный апоэеозъ, т. е. обоготвореніе живыхъ лицъ. Апоэеозъ особенно развился послѣ Александра Македонскаго. Онъ напоминалъ древне-греческую героизацію и культъ геніевъ въ Римѣ. Идея эта на западъ проникла съ востока. Александръ Македонскій, по примѣру восточныхъ властителей, потребовалъ отъ народа и дѣйствительно добился собственнаго обоготворенія. Его примѣру послѣдовалъ и Августъ, который сенатомъ и народомъ былъ провозглашенъ за бога. Все это весьма гармонировало съ космополитическими стремленіями того времени. Черезъ объединеніе боговъ и культовъ объединялось разношерстное населеніе всемірной монархіи, облегчалось правленіе, а въ перспективѣ все это сулило императорамъ полное самодержавіе.

Отсюда получилась и другая, отрицательная, польза: Апоэеозъ императора убилъ національную вѣру отцовъ, ибо, по народной психологіи, если возможно поклоняться вообще человѣку, хотя-бы и облеченному императорскою властью, если его можно обоготворять, вводить алтари, приносить жертвы, то не есть ли это профанація идеѣ божества, опрощеніе религіи—этого удѣла небожителей?! Неслѣдуетъ ли отсюда, что и прежніе Олимпійскіе боги такіе же обыкновенные люди, похитившіе божественное почитаніе?! Что-то не такъ! Что-

то не чисто! Долго продолжаться такое превращеніе вещей не можетъ. Долженъ настоящій, истинный Богъ воскипѣть гнѣвомъ и послать на грѣшную землю потопъ, огонь, смыть съ земли поворъ, грѣхъ, гордость людскую и положить начало новому времени, золотому вѣку! Такъ роптали лучшіе люди, роптали и философы, которые со смертію религіи, остались безъ духовной пищи, повисли въ воздухѣ; изсякъ источникъ философской морали, и философія, мечтавшая замѣнить религію, сама осталась безъ ничего!

Результаты скоро дали себя чувствовать: воцарилось всеобщее уныніе, „томленіе духа“, скептицизмъ проникъ во всѣ умы и опорочилъ ихъ, сомнѣвались даже насчетъ существованія самой *истины*, и Пилать—скептикъ съ презрительною гордостью спрашиваетъ Христа въ Преторіи: „Что есть истина?!“ Другими словами: „развѣ есть истина?! развѣ она не глупость, не фикція?!“ Сздались легенды о гибели міра, о мировой катастрофѣ, о 1000-лѣтнемъ царствѣ (Хилиазень). Стали основателя Рима—Ромула производить отъ Энея, бѣжавшаго изъ Трои, а такъ какъ съ того времени насчитывали 1000 лѣтъ, то ожидали и разрушенія второй Трои—Рима. Явное предзнаменованіе этого видѣли въ паденіи республики съ ея религіею. Пожары Дельфійскаго и Капитолійскаго храмовъ, случившіеся одновременно въ 83 г. до Р. Хр., еще болѣе усилили это предчувствіе. „Вотъ, вотъ, предчувствіе сбывается!“ говорили въ народѣ. Шансы на успѣхъ христіанской проповѣди усилились и христіанскіе апологеты умѣло использовали моментъ. Къ тому же прежняго патріотизма не было уже, всѣ искали универсальной религіи, которая служила бы вообще человѣку, а не греку, или варвару. Такою многимъ казалась христіанская религія. Такимъ образомъ политическій космополитизмъ и религіозный универсализмъ встрѣтились лицомъ къ лицу. Лучшіе люди сулили христіанству полную побѣду.

Шансы усиливались и другими обстоятельствами, имперія, въ особенности ея центры, были населены разными народностями безъ національныхъ религіи и съ однимъ государственнымъ греческимъ—всемирнымъ языкомъ. Съ этимъ именно и гармонировала христіанская вѣра, не дѣлающая различія между іудеямъ и эллиномъ, варваромъ и скифомъ. Посему народы имперіи сами посебѣ ничего не имели противъ новой вѣры, а единство языка—греческаго, на которомъ съ перевода Библии на греческій языкъ, говорили и іудеи имперіи еще больше облегчило дѣло проповѣди. Говорившимъ на греческомъ языкѣ открытъ былъ весь міръ, доступны были всѣ блага цивилизаціи, независимо отъ мѣста. Съ единствомъ языка большую роль играло

и единство власти императора всемірной монархіи, единство законовъ, удобство главныхъ дорогъ, обиліе гостиницъ въ метрополіяхъ, значительная свобода римскаго гражданина, безпрепятственное путешествіе (ап. Павелъ) и проч.

Къ благопріятнымъ условіямъ для христіанской проповѣди относятся и существовавшія тогда въ имперіи коллегіи, имѣвшія цѣлью удовлетвореніе религіозныхъ нужды своихъ членовъ. Коллегіи были строго организованы, имѣя предсѣдателя (*magister*), (*cocerdotes*), казначея (*questor*), секретаря (*seribae*), эконома (*curator*), почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ (*patronit*, *patres*, *matres*, *fratres*). Благодаря своей полной автономіи, эти коллегіи легко дѣлались очагами новыхъ религіозныхъ идей. Вотъ потому эти-то коллегіи организовались въ первыя христіанскія общества-братства, члены которыхъ имѣли одно сердце и одну душу“.

Къ этому присоединилась и еврейская колонизація. Колонизація эта началась при Вавилонскомъ царѣ Навуходонсорѣ (7 в. до Р. Хр.), когда евреи во множествѣ были переселены и въ сосѣднюю Грузію, гдѣ имъ было отведено Мцхетскимъ Мамасахлисомъ цѣлая область, получившая названіе *Херки* (отъ *בכר*—налогъ), сохранившееся понынѣ, а повторилось оно и при Помпеѣ въ 63 г. по взятіи Іерусалима. Римская Имперія усѣяна была еврейскими поселками, такъ называемыми *диаспорами*, такъ что евреи здѣсь составляли 7% населенія. Это обстоятельство дѣлаетъ понятнымъ, почему въ день сошествія Св. Духа на Апостоловъ въ Іерусалимѣ оказалось такъ много евреевъ. „Въ Іерусалимѣ же находились іудеи—люди набожные, — читаемъ въ книгѣ „Дѣяній св. апостоловъ“; изъ всякаго народа подъ небесами: Паряяне и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотаміи, Іудеи и Каппадокіи, Понта и Асіи, Фригіи и Памфіліи, Египта и частей Ливіи, принадлежащихъ къ Кириѣѣ, и пришедшіе изъ Рима іудеи и прозелиты, критяне и аравитяне“ (II, 5—11). Расцвѣтъ еврейскихъ колоній совпалъ съ первую христіанскою проповѣдью, и первыя зерна этой проповѣди запали именно въ эти ячейки, нашедшія въ нихъ весьма благодатную почву.

Первымъ признакомъ христіанизаціи имперіи слѣдуетъ считать появленіе въ греко-римскихъ *коллегіяхъ* и іудейскихъ *диаспорахъ* такъ называемыхъ *прозелитовъ*. Прозелитами именовались эллины, принявшіе іудейскую, а потомъ и христіанскую вѣру. Прозелитизмъ особенно сильно усилился съ разрушенія Іерусалима Титомъ въ 70 году. Прозелиты оказали христіанскимъ проповѣдникамъ великую услугу:

они заносили христіанскія идеи въ народныя массы принесли въ греко-римскую мысль новую струю.

При явномъ исчезновеніи стараго духа, лучшіе представители язычества все сильнѣе и сильнѣе прислушивались теперь къ христіанскимъ учителямъ и склонны стали думать, что христіанское ученіе во многомъ—де напоминаетъ ученіе Платона и Неоплатониковъ, и все болѣе заинтересовывались имъ. Кромѣ того, всѣ видѣли, что политическій организмъ имперіи уже разлагается. Оставалась одна лишь надежда: обновить его какою либо новою универсальною, не узконаціональною религіею. Надежда на неоплатонизмъ не оправдалась, вслѣдствіе безжизненности и отвлеченности этой системы. Въ такой критическій моментъ, моментъ всеобщей жажды и исканія, само собою понятно, стучавшееся въ двери христіанство и истинно-благородный героизмъ его первыхъ послѣдователей не могли не служить большимъ соблазномъ и приманкой. Соблазнъ дѣйствительно произошелъ. Лучшіе язычники явно стали сочувствовать христіанству и не только принимали его, но геройски клали голову за него.

Такъ, языческой философъ Іустинъ въ рядѣ апологій доказываетъ императору Антонину Пію, что у благородныхъ философъ встрѣчаются слѣды того божественнаго разума, который нашелъ полное свое воплощеніе въ Иисусѣ. „Вы можете насъ убить, но не можете повредить“. Іустина обезглавили. Его ученикъ Татіанъ въ „Рѣчи противъ Эллиновъ“ хвалитъ Христіанство, какъ всѣмъ доступную и нравственно перерождающую человѣка истину. Аѣнскій философъ Аѣногаръ оправдываетъ поведеніе христіанъ и ученіе о воскресеніи мертвыхъ. Римскій ораторъ Минуцій Феликсъ, по примѣру Цицерона, въ діалогахъ пишетъ о природѣ боговъ, при чемъ представитель и защитникъ язычества признаетъ себя побѣжденнымъ.

А героизмъ христіанъ?! Міръ не видалъ ничего болѣе возвышеннаго, болѣе благороднаго, удивительнаго и трогательнаго! Такъ и бросалась всѣмъ въ глаза какая-то неземная, чудодѣйственная сила. „Я увѣренъ,—говоритъ ап. Павелъ Римлянамъ,—что ни смерть ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей въ І. Христвъ, Господѣ нашемъ“ (VIII, 38—39). а надъ язычниками такъ издѣвается: «Гдѣ мудрецъ! Гдѣ книжникъ! Гдѣ совопросникъ вѣка сего! Не обратилъ ли Богъ мудрость вѣка сего въ безуміе! Ибо когда міръ своею мудростью не позвалъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу посредствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ, ибо и іудеи требуютъ чудесъ, и эллины

ищутъ мудрости, а мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для іудеевъ соблазнъ, для эллиновъ безуміе... Посмотрите, братья, кто вы призванные: не много изъ васъ мудрыхъ, не много сильныхъ, не много благородныхъ, но Богъ избралъ не мудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и не сильное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное, а незнатное міра и уничтоженное и ничего незначущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее“ (1 Кѣ. 2, 20—28). И далѣе: „Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христа, мы немощны, а вы крѣпки, вы въ славѣ, а мы въ безчестіи, даже донынѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу, и побои и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословятъ насъ,—мы благословляемъ, гонятъ насъ, мы терпимъ, хулятъ насъ, мы молимъ, мы, какъ соръ, для міра, какъ прахъ всѣми попираемы донинѣ“ (1 Кѣ. 4, 10—13). „Но сила въ немощи совершается“ (2 Кѣ. 12, 9). „Насъ почитаютъ обманщиками, но мы вѣрны, мы неизвѣстны, но насъ узнаютъ, насъ почитаютъ умершими, но вотъ мы живы, насъ наказываютъ, но мы не умираемъ“ (2 Кѣ. 6, 8—9).

И удивительно, какъ благородно ведутъ себя эти гонимые и попираемые!

„Будьте покорны“ всякому человѣческому начальству говорить ап. Петръ христіанамъ,—„Царю-ли, какъ верховной власти, правителямъ-ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро, ибо такова есть воля Божія, что мы, дѣлая добро, заграждали уста безумныхъ людей... Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, Царя чтите“ (1 Петра 2, 13—17).

И на глазахъ всѣхъ происходило явное чудо: побѣждали беззащитные и убогіе христіане безъ сопротивленія, безъ борьбы, безъ оружія, любовью, братствомъ, незлобіемъ, кротостью, смиреніемъ, терпѣніемъ, надеждою на Бога распятаго, добромъ, и по истинѣ „Кровь христіанъ становилась сѣменемъ христіанъ“: чѣмъ больше убивали христіанъ, тѣмъ больше умножались они! Многимъ становилось неловко судорожно-страшно, и если лучшіе государи, Траянъ, Децій, Маркъ Аврелій, Діоклетіанъ усердствовали въ дѣлѣ гоненій, то это такъ, сказать, по долгу правителей изъ страха передъ закономъ и общественнымъ мнѣніемъ, а не по принципу; зато слабѣе умомъ и характеромъ бездѣятельные императоры: Коммодъ, Каракалла, С.-Северъ и другіе явно сочувствовали христіанамъ. С.-Северъ во дворцѣ держитъ христіанъ и покровительствуетъ имъ, а для своего сына Каракаллы нанимаетъ мамку—христіанку. Александръ Северъ въ своей божницѣ дер-

жить портреты Авраама и Иисуса; онъ же охотно цитировалъ слова изъ Евангелія и въ одной комнатѣ велѣлъ написать слова Христа: „какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними“. Императоръ Филиппъ Аравитянинъ былъ тайнымъ христіаниномъ.

Въ божественности и необходимости христіанства, а равно въ цѣлебности его для разлагавшагося государства рано убѣдился и Константинъ Великій. На эту мысль навели его во 1-хъ, ужасы гоненій при Діоклетіанѣ въ бытность его заложникомъ, каковыя ужасы воспитали въ немъ чувство отвращенія къ гонителямъ; во 2-хъ, тѣ знаменія, благотворную силу которыхъ самъ испыталъ на себѣ и которыя приписывалъ христіанскому Богу, и въ 3-хъ, непосредственное ознакомленіе съ уже христіанизованнымъ востокомъ, который онъ видѣлъ въ полномъ расцвѣтѣ. Константинъ сразу понялъ, что спасеніе—въ союзѣ государства съ христіанствомъ. Къ тому же и Церковь поняла, что у обѣихъ сторонъ цѣль-то одна: государство нуждается въ новыхъ струяхъ жизни, а Церковь—во вѣшенемъ покровителѣ, организаціи и правахъ гражданина. Понятно стало, что обѣ стороны нужны другъ другу. Поэтому государство перестало гнать христіанство, уже проникшее во всѣ слои общества, а христіанство перестало смотрѣть на государство, какъ на дьявольское учрежденіе, на императора, какъ на антихриста, на языческую школу, какъ на гнѣздо разврата и нелѣпныхъ басенъ, на эллинскую культуру и философію привыкло смотрѣть, какъ на прекрасное и необходимое оружіе для борьбы съ языческими писателями ихъ же оружіемъ.

Такимъ образомъ, Церковь во всѣхъ отношеніяхъ была готова. У нея не было ни въ чемъ недостатка. Какъ невѣста съ богатымъ приданымъ, полусознательно, но полная стремленій, она ждала царственнаго жениха. Константинъ увидѣлъ ее и протянулъ руку для соединенія (Гарнакъ).

Итакъ, Церковь и государство сочетались прочнымъ союзомъ. Началась тихая работа Евангельской правды подъ сѣнью уже христіанскаго государства. И жизнь стала наряжаться. Христіанизовалась школа, преобразилась семья, супружество получило новый смыслъ, возвысилась цѣнность личности, эмансипировалась женщина, измѣнилось законодательство, наука пошла по новому руслу, найдя неизсякаемый источникъ истины, мораль устремилась отъ земной юдоли въ небесную высь, ожило искусство, поэзія, музыка, живопись, архитектура одухотворились и дали новые чудные входы и проч., и проч.

И вспоминаются слова Юліана Отступника: „Ты побѣдилъ, Гали-

леянинъ“. Рядомъ вспоминаются и слова Спасителя: „Я есмь истина и жизнь!“ „Я побѣдилъ міръ!“

Да, Христосъ побѣдилъ міръ и тѣмъ сталъ средоточіемъ міровой жизни и „поворотнымъ пунктомъ исторіи“ (Мартенсенъ).

Свящ. М. Келенджеридзе.

Открытие Бурнашевскаго прихода.

Благочинный церковей 3-го округа, Джеватскаго уѣзда, Бакинскои губерніи, рапортомъ отъ 3-го іюля 1915 г. № 466 доноситъ Его Высокопреосвященству, что священникъ Петръ Надеждинскій введенъ имъ во вновь открытый Бурнашевскій приходъ 29 минувшаго іюня, съ приличествующимъ словомъ, и въ присутствіи переселенцевъ четырехъ поселковъ, входящихъ въ составъ Бурнашевскаго прихода. Радость переселенцевъ Бурнашевскаго прихода, по случаю открытія у нихъ самостоятельнаго прихода, неопишима—нѣкоторые мужчины и женщины на его глазахъ отъ радости плакали какъ малыя дѣти. На предложеніе его дать приличныя помѣщенія какъ подъ молитвенный домъ, такъ равно для прибывшаго священника, Бурнашевскіе прихожане охотно отдали школьное помѣщеніе и одну крестьянскую хату. Для молитвеннаго дома они собрали между собою нѣсколько иконъ, полотенецъ платковъ и около 25 рублей деньгами, на которые теперь пріобрѣтается все необходимое для совершенія Богослуженія. Кромѣ этого бурнашевцы единогласно постановили общественнымъ приговоромъ, составленнымъ въ его присутствіи 30 іюня, отпустить изъ своихъ общественныхъ средствъ на постройку приличнаго молитвеннаго дома 1500 руб., на оборудованіе его 300 руб. и на наемъ церковнаго сторожа 120 руб., а также на постройку приличнаго помѣщенія для причта 1200 руб.

Къ сему о. Растворцевъ присовокупляетъ, что ко дню ввода священника о. Надеждинскаго во вновь открытый приходъ никакого церковнаго имущества, ни церковныхъ документовъ, а также церковной печати не было, а потому актъ о сдачѣ всего этого о. Надеждинскому не составлялся и Его Высокопреосвященству не представляется.

Въ заключеніе сего о. Растворцевъ докладываетъ Его Высокопреосвященству, что прихожане Бурнашевскаго прихода всѣ, какъ одинъ человекъ, просятъ Его Святительскаго благословенія на успѣшное устройство приходской жизни, а за открытіе у нихъ давно-жданнаго

прихода шлють Ему свою искреннюю и глубочайшую благодарность, къ которымъ и о. Растворцевъ какъ благочинный ихъ прихода, присоединяетъ свой земной поклонъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Канцелярія Синодальнаго члена, Экзарха Грузіи, по Обществу Возстановленія Православнаго Христіанства на Кавказѣ, симъ объявляетъ, что въ складѣ Совѣта Общества кромѣ священническихъ облачений не имѣется никакой утвари, ни богослужебныхъ книгъ.

Редакторъ неофіціального

отдѣла Антоній, Епископъ Горійскій.